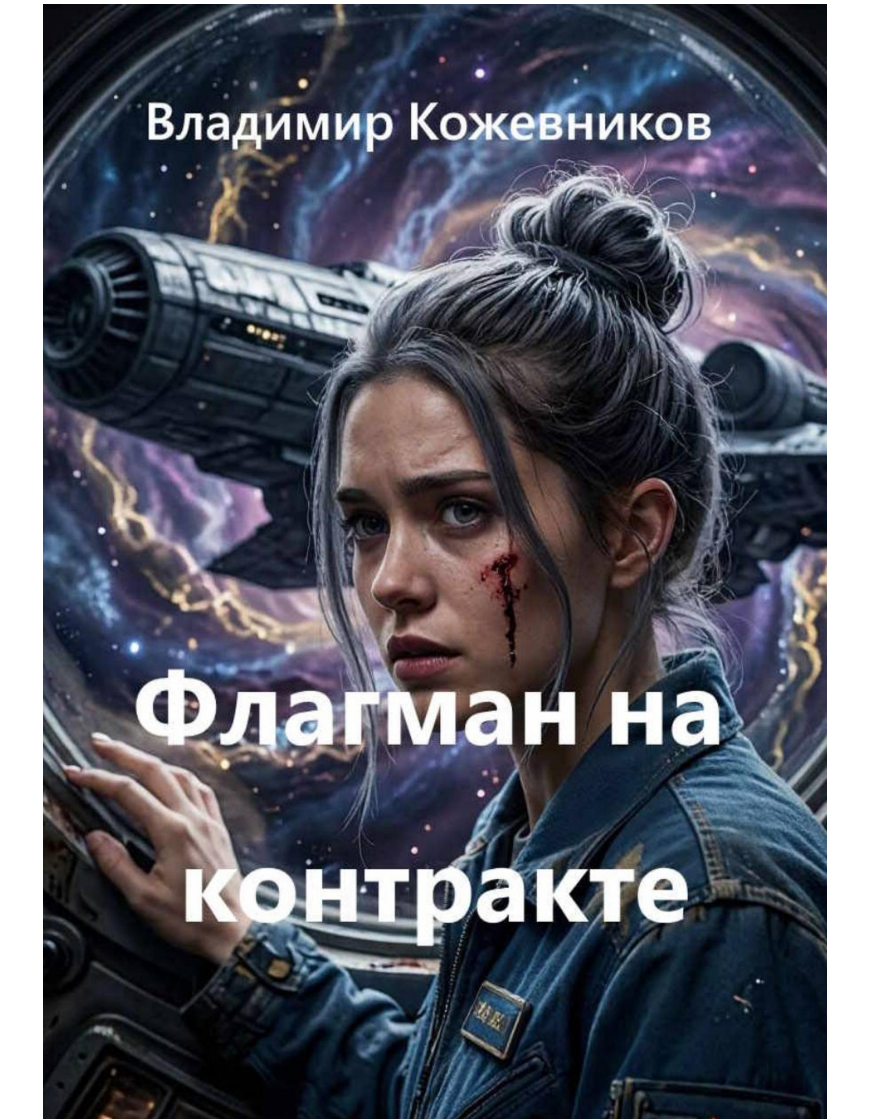

Владимир Кожевников

Флагман на
контракте

Владимир Кожевников

Флагман на контракте

<https://litres.ru/74172079>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мира — дитя космического порта, проклятая даром слышать «пение звезд». Каждый звук пространства-меж причиняет ей боль, но именно этот дар становится ее билетом на борт легендарного корабля «Альмагест». Смерть старого навигатора Аарона Штерна оставляет экипаж без компаса, а его последнее «Слово» указывает на бездомную девчонку, которая боится собственной силы. Лео, приемный сын капитана и лучший пилот Флота, получает приказ: сделать из пугливого зверька оружие. Их тренировки — это пытка и откровение. Но вражда перерастает в нечто большее, когда «Ямато-Групп» объявляет охоту на «Альмагест». Алану Кину, давно потерявшему сыну капитана, нужны не контракты — ему нужна месть. Теперь Мире предстоит провести корабль через гравитационный шторм, где нет карт, а есть только Тишина. Или смерть. «Флагман на контракте» — история о даре как проклятии, о семье, которую выбирают сердцем, и о голосе, который громче всех сирен порта.

Содержание

Глава 1. Порт Пепла и Соли	4
Глава 2. Лексикон Боли	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Кожевников

Флагман на контракте

Глава 1. Порт Пепла и Соли

Небо над портом Адлер было цвета воды, что сутками стоит в рубке дежурного, отражая пустой экран радара. Оно не обещало ни дождя, ни просвета; оно просто висело, как старая, выцветшая тряпка, натянутая над экваториальными горами. Сам порт, вгрызшийся в скалу, пах не надеждой, а ее суррогатами: кислым потом, озоном дешевых генераторов, смазкой, чей срок давно истек, и специфическим, ни с чем не сравнимым запахом просроченных лицензий — той бюрократической гнили, что сопутствует портовым городам на задворках корпоративных феодов.

Здесь, в лабиринте из грузовых сот, и существовала Мира. Ее возраст измерялся не годами, а шрамами. Пятнадцать лет — так сказали бы медики, заглянув в ее тело. Сама она знала только, что пережила три большие чистки порта и две эпидемии. Ее миром был островок тепла между двумя гудящими генераторными плитами, ее музыкой — скрежет кранов и гул грузовиков. Она была тонка и угловата, как бездомная кошка, а ее волосы, неопределимого серого цвета, были стянуты в тугий узел на затылке — единственная уступка по-

рядку. Она не помнила лиц родителей. Только их голоса, да и те заглушил вой разрываемого металла. Тот вой навсегда поселился в ее нервных окончаниях.

Космос был ее личным чудовищем. Не абстрактной бездной, а голодным, поющим ртом, который сожрал «Аретузу». Ее дар — нейросенсорика, не имевшая научного названия — превратил пространство-время в океан вязких, непредсказуемых течений. Каждый гравитационный всплеск, каждое микровозмущение от проходящего корабля отдавалось в ее мозгу звуком. Планета была для нее не домом, а клеткой Фарадея, единственным местом, где толща скалы и грохот атмосферы глушили эту какофонию. Она жила в ревящем сердце порта, потому что тишина для нее означала смерть. В тишине просыпалось то, что в глубине — бесконечное, свистящее пение звезд.

В то утро игла пронзила ее шумовой кокон. Звук был новым. Низкий, на грани инфразвука, вибрирующий в корнях зубов. Звук абсолютной, инженерной точности. Звук мощи, обузданной дисциплиной. Так звучат только военные корабли. Она выползла из своей норы, цепляясь за металлические скобы.

В доке номер девять, за силовым барьером, куда ей вход был заказан, опускался он. «Альмагест». Он не был похож ни на один из виденных ею кораблей. Это был не корабль, а хирургический скальпель, который использовали так долго и умело, что он приобрел собственную, мрачную душу.

Вытянутый, аскетичный корпус цвета грозовой тени, наклоненные, словно для удара, пилоны двигателей. Он не отражал свет, он его впитывал, оставляя на сетчатке лишь темный росчерк силы. Он пришел не торговать. Он пришел исполнить ритуал.

В каюте, превращенной в лазарет, умирал Аарон Штерн. Его жизнь уходила, как вода в сухой песок, тихо и неотвратимо. Сто три года. Девяносто из них — в Межпространстве. Его глаза, почти полностью затянутые молочной пеленой подпространственной слепоты, видели сейчас не тусклый свет каюты, а незримые глазу течения космической реки. Джейкоб Кин стоял у иллюминатора, за которым был только серый бетон порта. Он был похож на скалу, которую вечность обработала ветрами, оставив только твердое ядро. Боль в его стальных глазах была неподвижна. Эстера Кин, маленькая, но кажущаяся выше всех присутствующих, держала руку умирающего. Ее тепло было почти осязаемым — тепло матери, которая провожает сына, несмотря на то, что тот старше ее вдвое.

Лео Кин стоял у двери, скрестив руки. Идеально прямая спина, безупречный китель. Лицо — маска с легким оттенком брезгливости. Он смотрел на эту сцену и чувствовал себя чужим. Как всегда. Приемный сын, пилот, лучший во Флоте, он навсегда застрял в звании «сын Папы и Мамы». И эта семейная скорбь, окутывающая каюту, казалась ему лишь очередным подтверждением того, что его истинная се-

мья — холодная пустота кабины истребителя. Там он был богом. Здесь — просто наследником.

— Пора, — голос Аарона был шорохом пересыпаемого пепла. — Я слышу... новый такт. Она... забилась в грохот, как в нору. Слышит тишину, которой нет... У нее абсолютный слух на пространство. Приведи ту, чей страх звучит громче всех сирен порта. Она споет «Альмагесту» колыбельную.

Рука, похожая на птичью лапку, дернулась в сторону, укаывая сквозь переборки, сквозь скалы, в сердце порта. И упала. Навигатор умер. В каюте повисла звонкая, вакуумная тишина. Эстера склонила голову и поцеловала холодеющий лоб. Джейкоб медленно, словно преодолевая чудовищное ускорение, повернулся к остальным.

— Что ж... — начал Лео, и его голос разрезал тишину, как осколок стекла. — Академия на Марсе будет рада нашему запросу. Два месяца простоя...

— Нет, — голос Эстеры был тих, но перекрыл его полностью. — Аарон не ошибался, Лео. Ты был еще мальчишкой и не помнишь Лимб. А мы помним. Тогда он вывел нас, когда отказали все приборы. Он слышал то, чего не слышала техника. — Она подняла взгляд на мужа. В их взглядах промелькнуло что-то, невысказанное, но понятное обоим. Огонь и лед Лимба. — Если он сказал «она», значит, она есть. Мы дали Слово.

Джейкоб кивнул. Его внутренняя борьба — долг капитана перед тремя сотнями душ против веры в непогрешимость

Слова — завершилась. Вера победила. На то он и был «Папой».

— Кассиан.

Из ниши, где, казалось, не мог спрятаться и ребенок, выступил Кассиан Рин. Аскетичное лицо, движения, лишённые всякой инерции. Он был оружием, которое само откасалось от боя. Геномодифицированный «спартанец», всю жизнь тренировавшийся убивать, он дал обет не применять насилие без крайней нужды. И теперь его сутью стал контроль — чудовищный, неестественный контроль над каждым мускулом, каждым нервом. От него веяло не холодом, а разреженным воздухом высокогорий, где жизнь — это исключение из правил.

— Навигатор оставил нам не только жест, но и... звуковой слепок ее страха. Это как вой сирены. Трудно не услышать, — произнес он и исчез, не сказав больше ни слова.

Лео проводил его кривой усмешкой.

— Боюсь представить, кого выловит наш аскет. Какую-нибудь юрдовую с психозом. Отец, мы не благотворительная миссия. Тащить на борт психосенсорика без подготовки — это диверсия против корабля.

— Мы дали Слово, — повторил Джейкоб, и каждое слово падало, как свинцовый шар. — Экипаж примет любого, кого приняли мы. А ты, — он посмотрел на сына тем самым взглядом, от которого у Лео всегда сводило челюсти, — ты будешь ее учить.

— Я? — Лео заставил свой голос звучать спокойно, почти лениво. Только желвак на скуле дрогнул предательски. — Отец, мое расписание предполагает тренировочные вылеты и тактическое планирование, а не уроки начальной навигации для бездомных. Может, наймешь ей репетитора с Марса?

— Ты научишь ее выживать, — отрезала Эстера, вставая рядом с мужем. И в этот момент они были не мужем и женой, а единым целым, монолитом, которому невозможно перечить. — Не навигации, не этикету. Выживать. Этому тебя никто не учил, ты научился сам. Научи и ее.

Лео сжал зубы. Это была не просьба. Это был приказ, обернутый в форму заботы о его «уникальном опыте». Ему давали самого слабого, самого никчемного члена будущего экипажа, чтобы он снова доказал — он не просто сын. Он — опора. Он дерзко улыбнулся, пряча за этой улыбкой горечь.

— Хорошо. Я сделаю из нее навигатора. Или сделаю так, что она сама сбежит. Посмотрим, что получится быстрее.

Мира почувствовала их за два уровня до того, как увидела. Сначала исчезли привычные шумы — крановщик заглушил двигатель, конвейер остановился. А потом в ее убежище просочился новый звук. Тихие, но абсолютно уверенные шаги. И абсолютно спокойное, лишённое внутренних вибраций сердцебиение. Идущий сюда не сомневался и не боялся. Он был пугающе, нечеловечески цельным.

Когда Кассиан Рин появился в проеме, она даже не по-

пыталась бежать. Он был высок, сухощав, одет в темно-синий китель без знаков различия. Его лицо было красивым, но красотой лезвия — функциональной и опасной. Он не оценивал ее, не разглядывал свысока. Он просто констатировал факт ее существования.

— Мира. Дочь Саймона и Лидии Кейн, пассажиров судна «Аретуза», — произнес он бесцветным голосом. — Ты идентифицирована. Следуй за мной. Ты нужна «Альмагесту».

Ее имя, имена родителей... Это ударило ее сильнее, чем пощечина. Откуда? Как? Мир вокруг закачался. Пение звезд, всегда приглушенное, вдруг пробилось сквозь шумы порта — далекий, пронзительный вой. Космос почуял ее. Позвал.

— Нет! — выдохнула она, отступая. Ее глаза, цвета перламутра, расширились от первобытного ужаса. — Вы не понимаете! Я не могу! Там, — она ткнула пальцем в небо, — оно ждет меня. Оно съело моих родителей. Оно поет мне по ночам. Я не пойду!

— Ты боишься, — спокойно констатировал Кассиан. — Это рационально. Но иррационально оставаться здесь. Твой дар прогрессирует. Через год, максимум два, никакая атмосфера не заглушит сигналы Межпространства. Твой мозг расплавится. На «Альмагесте» есть оборудование и... учитель. У тебя есть шанс обуздать его. Здесь — только медленная смерть. Выбор очевиден.

Он говорил о ее жизни и смерти с той же интонацией, с

какой зачитывал бы сводку погоды. И это парализовывало. В этот момент появился второй. Лео.

Он смотрел на нее с ледяным любопытством энтомолога, нашедшего новый, но не особенно красивый вид. Его взгляд прошелся по ее тощей фигуре, спутанным волосам, остановился на лице. В его глазах она прочла приговор: «мусор».

— И это наш великий шанс? — протянул он, обращаясь к Кассиану. — Выглядит как жертва, а не как спаситель. В ее глазах животный страх, а не задатки гения. Она бесполезна, Рин. Твой обет, Рин, когда-нибудь позволит преступнику уйти. Давай просто усыпим ее и доставим в медотсек. Пусть с ней разбираются психиатры.

— Мы просто поговорим, — ровно ответил Кассиан. — Это эффективнее.

Это «усыпим» и «доставим», сказанное тоном хозяина, обсуждающего больную скотину, взорвало что-то внутри Миры. Страх на мгновение отступил, выжженный яростью.

— Я не твоя вещь! — выплюнула она, сверкнув глазами. — И я не бесполезна. Я видела, как ты перебираешь пальцами, прежде чем взять нож. Твой мозг посылает сигнал на руку на полсекунды раньше, чем ты думаешь.

Лео замер. Его правая рука, и правда, до этого непроизвольно отбивавшая ритм на бедре, застыла. Он переглянулся с Кассианом. Тот едва заметно приподнял бровь. В этом скупом жесте читалось: «Я же говорил».

Лео достал нож. Холодная сталь тускло блеснула в полу-

мраке. Он не угрожал. Он играл, как кот с мышью. А затем бросок. Мгновенный, хлесткий. Нож пролетел точно туда, где секунду назад было плечо Миры, и вонзился в обшивку.

Но Мира не пошевелилась. Она смотрела не на нож, а на Лео. Потому что она просчитала вектор атаки еще до того, как мозг атакующего отправил сигнал мышцам. Она жила на секунду впереди него.

В ангаре повисла тишина. Лео смотрел на нее, и маска цинизма медленно таяла, обнажая что-то живое, заинтересованное, почти голодное.

— Вот, значит, как... — прошептал он. — Ты не просто «чуешь» шум. Ты просчитываешь вектор атаки еще до того, как мозг атакующего отправил сигнал мышцам. Ты живешь на секунду впереди всех.

Он подошел ближе и присел на корточки. Теперь их глаза были на одном уровне. Он заговорил, и его голос был лишен эмоций, но в нем звучала металлическая, непреложная истина.

— Слушай внимательно, «жертва». Я повторять не буду. Ты — ошибка природы, которая считает себя проклятием. Но старому дураку Штерну было виднее. Теперь ты — собственность «Альмагеста». Я обещаю тебе только боль, пот и бесконечные часы тренировок. Я выверну твой дар наизнанку и заставлю его работать. Это будет хуже, чем все, что ты пережила. Но если ты выживешь, ты станешь лучшим навигатором Флота. А если сбежишь, то Космос, которого ты

так боишься, будет ждать тебя здесь, — он постучал пальцем по ее виску. — Он уже внутри. И он убьет тебя медленно. Я предлагаю тебе быструю и осмысленную смерть в полете. Или быструю и осмысленную жизнь. Это больше, чем предлагала тебе эта планета. Ну?

Он протянул ей руку. Открытую ладонь вверх. Мира смотрела на эту ладонь. На линии судьбы, пересекающие ее, как гравитационные карты. Она знала — это прыжок. Прыжок из клетки Фарадея прямо в пасть зверя, который сожрал ее мир. Но клетка сужалась. И зверь, сидящий внутри, был, возможно, страшнее того, что ждал снаружи.

Она подняла руку. Ее пальцы дрожали. Тысячи лет инстинктов одичавшего зверька кричали ей: «Беги! Не дай себя приручить!». Но она заставила себя замереть и вложила свою узкую, грязную ладонь в его крепкую, сухую ладонь. Его пальцы сомкнулись мгновенно, стальным капканом, фиксируя и удерживая.

— Хорошо, — сказала она севшим голосом. — Я попробую. Но ненависть, которую ты обещал, работает в обе стороны, пилот.

Лео улыбнулся. На этот раз почти искренне. Он рывком поднял ее на ноги.

— Вот это уже деловой разговор. Добро пожаловать в ад, навигатор. Похороны через час. После — твой первый урок.

Он развернулся и пошел прочь, не оглядываясь. Мира стояла, чувствуя, как гудит в ладони память его прикосновения

— жесткое, требовательное, но единственное реальное, что с ней случилось за многие годы. Где-то высоко, за серым небом Адлера, пел свою песнь Космос. И впервые она не пыталась зажать уши. Она прислушалась.

Глава 2. Лексикон Боли

Похороны навигатора — это всегда вечер, даже если за бортом стоит полдень. Такова традиция Флота Контрактов: провожать своих в тот час, когда зажигаются первые, самые яркие звезды, словно душа уходящего должна сразу видеть свои новые владения — весь спектр электромагнитного великолепия, без фильтров атмосферы.

Главный грузовой ангар «Альмагеста» был превращен в церемониальный зал. Обычно забитое истребителями, погрузочными платформами и контейнерами, сейчас это пространство было пустым и гулким, как эллинг, из которого навсегда ушли корабли. Тело Аарона Штерна, завернутое в черный шелк с серебряной нитью — гербом дома Кин — покоилось на погрузочной плите. Вокруг него, образуя живой круг, стояли старшие офицеры с зажженными свечами. В мире, где любой пожар может стать смертельным, открытый огонь был символом высшего мужества: жизни, бросающей вызов вакууму.

Мира стояла в заднем ряду, зажата между двумя дюжины техниками из ремонтной бригады. На нее косились. Она физически ощущала чужие взгляды на коже — любопытные, враждебные, скептические. «Та самая?», «Портовая крыса в рубке?», «Она же в обморок грохнется при первой перегрузке». Эхо этих мыслей, усиленное ее даром, металось под сво-

дами ангара, сливаясь с траурной тишиной в невыносимую какофонию.

Эстера Кин вышла в центр круга. В парадном кителе, с серебряным компасом на груди, она казалась верховной жрицей древнего культа, забытого всеми, кроме трех сотен душ на борту. Ее голос, обычно мягкий и обволакивающий, сейчас звенел металлом, отражаясь от переборок:

— Мы отдаем Межпространству тело навигатора Аарона Штерна. Девяносто лет он водил корабли через тьму. Он был нашим Словом, что звучало в тишине, когда молчали все приборы.

Она сделала паузу. Тишина сгустилась, стала осязаемой, как гель. Мира почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Именно эту тишину она ненавидела — полную, абсолютную, предвестницу того воя, что ждал за бортом.

— Аарон ушел, но его Слово осталось с нами. Он назвал преемника, — Эстера повернулась, и ее взгляд, острый, как луч целеуказателя, нашел Миру в толпе. — Мира Кейн. Подойди.

Ноги Миры словно приросли к палубе. Лео, стоящий в первом ряду, в идеально сидящем парадном кителе, обернулся. Его лицо было маской, но она знала, слышала его ожидание. Он ждал, что она опозорится. Сбежит. Заплачет. И эта мысль, эта чужая уверенность в ее слабости, придала ей сил. Она не доставит ему такого удовольствия.

Она шагнула вперед. Триста пар глаз впились в ее тощую

фигуру. Она прошла сквозь строй техников и пилотов, стараясь не шататься. Эстера взяла ее за руку, и прикосновение было теплым, почти обжигающим. Оно заземляло.

— Повторяй за мной. Громко.

— Я, Мира Кейн... — начала Эстера.

— Я, Мира Кейн... — голос Миры дрогнул, но не сорвался.

— Принимаю бремя Навигатора «Альмагеста»...

— Принимаю...

— Клянусь слышать песнь пространства...

Мира набрала воздуха в легкие, но слова застряли в горле. Не страшиться. Она не могла. Это была бы ложь, которая разорвала бы ее изнутри. Эстера, заметив ее колебание, мягко сжала ее пальцы и закончила фразу сама, громко и отчетливо, покрывая ее неспособность своим авторитетом:

— ...и не страшиться ее, ибо Слово — это двигатель, а страх — это якорь.

Ритуал был завершен. Мира стала навигатором. Технически. Плита с телом Аарона ушла в шлюз, чтобы отправиться в вечный дрейф. Мира смотрела на закрывающиеся створки и думала о том, что человек, указавший на нее, уплывает в ту самую бездну, которую он завещал ей покорить. Благословить его или проклясть? Она еще не решила.

— Пафос закончился, — раздался над ухом голос Лео. Он говорил тихо, только для нее. — Через двадцать минут. Тренировочный отсек семь. Опоздаешь — будешь драить га-

люны до конца вахты.

Тренировочный отсек номер семь был маленькой, душевной комнатой, куда, казалось, годами не заходил ни один уборщик. Пахло потом, старым железом и озоном от искрящихся контактов. Архаичные тренажеры, списанные с флота лет пятьдесят назад, стояли вдоль стен, как металлические скелеты.

Лео уже ждал ее, переодевшись в летный комбинезон. Без кителя он казался еще более жилистым, еще более опасным — гончая, которую слишком долго держали на привязи.

— Садись, — он указал на кресло, опутанное проводами. — Симулятор нейроинтерфейса «Нейрон-4». Говорят, на нем тренировался еще сам Аарон. Если выдержит твои мозги — уже хорошо.

Мира села. Кресло было холодным и неудобным, подголовник давил на затылок.

— Задача простая. Подключись и считай навигационный вектор: прямой отрезок от Адлера до точки Лагранжа. Я загрузил его в машину. Никаких гравитационных ям, никаких аномалий. Детский сад.

— Я не умею, — прошептала Мира.

— Научишься. Или... — он сделал паузу. — Впрочем, третьего не дано. Подключайся.

Она закрыла глаза. Сенсоры на висках запульсировали теплом.

И мир взорвался.

Это была не музыка сфер. Это был вой тысячи ревущих глоток. Каждый гравитационный колодец в системе — а их были десятки — гудел на своей частоте. Каждое эхо пролетевшего корабля, каждый реликтовый всплеск от Большого Взрыва — все это ворвалось в ее незащищенный разум, как раскаленная лава. Она не слышала — она тонула. Перед глазами проносились образы: изогнутые сетки пространства, воронки, спирали, рваные края подпространственных разрывов. Это было красиво. Смертельно красиво.

Она закричала и провалилась в темноту.

Очнулась она на полу. Голова гудела, как колокол, во рту стоял металлический привкус крови. Лео стоял над ней с мензуркой нашатыря. Лицо его было задумчивым.

— Интересно, — протянул он. — Очень интересно. Ты не просто слышишь, ты резонируешь. Твой мозг пытается обработать весь спектр сразу, без фильтров. Это не дар, это приговор. Если не научишься ставить блоки, сгоришь за месяц.

— Мне... больно, — выдавила она.

— Будет больнее. Но есть способ. Твой страх — это открытый шлюз. Ты боишься, и хаос вливается в тебя. Закрой шлюз. Не пытайся услышать все. Выбери один сигнал. Один вектор. Только его.

— Я не могу!

— Можешь. Ты уже делаешь это, когда уклоняешься от ножа. Ты отсекаешь все и фокусируешься на одной угрозе. Представь, что эта какофония — тысячи ножей. Ты должна

увидеть каждый... и пропустить мимо. Кроме одного. Того, что тебе нужен. Того, что я загрузил в машину. Прямой отрезок. Он где-то там. Найди его.

Он снова усадил ее в кресло. Она попробовала.

На третьей попытке что-то изменилось. Среди воя и гула она вдруг уловила... тихую, чистую ноту. Она была едва слышна, как звук камертона в шторм. Она потянулась к ней — и вдруг увидела вектор. Прямой, как струна, от Адлера к точке Лагранжа. На мгновение хаос расступился, и она висела в этой чистоте, как в колыбели. А потом волна накрыла ее снова, и она рухнула в третий раз.

Но теперь она знала, что это возможно.

К концу второго часа ее нервная система была выжжена дотла. Она больше не могла стоять, не могла говорить. Медицинский дрон, вызванный Лео перед началом тренировки, бесстрастно докладывал о критических нагрузках на синапсы. Лео игнорировал предупреждения, но после пятого обморока все же отступил.

— На сегодня хватит, — сказал он.

Дрон впрыснул ей в шею коктейль из регенерантов и глюкозы. Холодная волна пробежала по венам, возвращая контроль над телом. Она смогла сесть, а затем и встать, держась за подлокотник кресла.

— За что... — прохрипела она, глядя в его прямую спину.
— За что ты меня так ненавидишь?

Лео замер уже у двери. Он стоял к ней спиной, и она ви-

дела, как напряглись мышцы под тканью комбинезона.

— Я не тебя ненавижу, — сказал он в пространство. Голос был лишен эмоций, но каждое слово падало, как капля расплавленного металла. — Я ненавижу то, что ты — это шанс. Тебя будут учить быть... тобой. Со всем твоим даром. А меня... Меня нашли на обломках грузовика, когда мне было семь. Я не помню ни своего имени, ни лица матери. Мне сказали: «Теперь ты Лео Кин. Ты будешь пилотом. Ты продолжишь дело Дома». И я стал им. Я забыл, кем был до этого. Я — отражение чужих ожиданий. А тебе дают учителя. И этот учитель — я. — Он горько усмехнулся. — Красиво, правда? Инвалид учит калеку ходить.

Он вышел, и дверь с шипением закрылась за ним.

Мира осталась лежать в кресле, глядя в тусклый свет плафона. Внутри нее боролись два чувства. Первое — обида, острая и детская. Он думает, его боль — единственная? Он думает, его сиротство оправдывает жестокость? Его хотя бы нашли. Ему дали имя, дом, корабль. А меня просто оставили гнить. Но второе чувство было глубже и тише. Понимание. Они оба были сломаны. Только ее сломал Космос — слепой, равнодушный. А его — люди, которые хотели как лучше. И еще неизвестно, что страшнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.